

УДК 342.53
ББК. 67.400.6

ВЕРХОВЕНСТВО ЗАКОНА И ПАРЛАМЕНТАРИЗМ: СООТНОШЕНИЕ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ ТЕОРИИ

Л. Г. Коновалова

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

В статье рассматриваются современные проблемы восприятия и реализации базового принципа верховенства закона через соотношение с конституционно-правовой концепцией парламентаризма, предлагаемой в качестве рычага повышения эффективности законотворческих процедур и формирования внутренне устойчивого справедливого государственного механизма. Обращается внимание на практические трудности сопоставления рассматриваемых терминов, связанные с различным национальным восприятием концепции верховенства закона; с дискуссионностью определения справедливости закона; с наличием зачастую неуловимой разницы между юридической силой закона и подзаконного акта; с вторжением судебной и исполнительной власти в прерогативы законодателя; с процессами глобализации, ставящими наднациональные органы выше парламентов; с хаотичностью, противоречивостью, иррациональностью и значительным объемом норм права, а также многообразием сфер правового регулирования в современном государстве. В то же время в статье отмечаются позитивные тенденции сближения юридических конструкций верховенства закона и парламентаризма, сопряженные с появлением юридических рычагов обеспечения реальности верховенства закона (права), в том числе конституционной юстиции, наднациональных органов; осознанием неразрывной взаимосвязи верховенства закона с реализацией прав человека, разделением властей, доступностью и справедливостью суда, ответственностью органов власти; постановкой вопроса об эффективности законодательства.

Ключевые слова: парламентаризм, верховенство закона, конституционализм, глобализация, права человека, конституционная юстиция, законность, право, законотворчество.

RULE OF LAW AND PARLIAMENTARISM: CORRELATION THROUGH THE PRISM OF CONSTITUTIONAL LEGAL THEORY

L. G. Konovalova

Altai State University (Barnaul, Russia)

The article deals with modern problems of perception and implementation of the basic principle of the rule of law through correlation with the constitutional and legal concept of parliamentarism, proposed as a lever to improve the efficiency of lawmaking procedures and the formation of an internally stable and fair state mechanism. Attention is drawn to the practical difficulties of comparing the terms under consideration, associated with different national perceptions of the concept of the rule of law; with the debatable definition of the justice of the law; with the presence of an often subtle difference between the legal force of a law and a by-law; with the intrusion of the judiciary and executive power into the prerogatives of the legislator; with the processes of globalization, putting supranational bodies above parliaments; with chaos, inconsistency, irrationality and a significant amount of legal norms, as well as a variety of areas of legal regulation in the modern state. At the same time, the article notes positive trends in the convergence of legal structures of the rule of law and parliamentarism, associated with the emergence of legal levers to ensure the reality of the rule of law (law), including constitutional justice, supranational bodies; awareness of the inextricable relationship between the rule of law and the implementation of human rights, the separation of powers, the accessibility and fairness of the court, the responsibility of the authorities; posing the question of the effectiveness of legislation.

Keywords: parliamentarism, rule of law, constitutionalism, globalization, human rights, constitutional justice, legitimacy, law, lawmaking.

Doi: [https://doi.org/10.14258/ralj\(2022\)3.11](https://doi.org/10.14258/ralj(2022)3.11)

В конституционно-правовой науке «парламентаризм» является многозначной категорией. Он воспринимается как теоретическая концепция, объединяющая представления о том, каким должен быть парламент в идеале; как правовой институт, т. е. совокупность норм права, регламентирующих высокий статус парламента в государстве (и в этом смысле являющийся созвучным парламентскому праву); как принцип устройства государства [1, с. 416; 2, с. 5; 3, с. 8–71; 4, с. 29]. Значение парламентаризма состоит в том, что он призван способствовать принятию справедливых управленческих решений, отстаиванию интересов институтов гражданского общества, минимизации потенциальной угрозы злоупотребления полномочиями исполнительно-распорядительными и иными органами государственной власти. Концепция парламентаризма позволяет понять, через какие юридические механизмы можно обеспечить реальность и эффективность реализации полномочий парламента, сделать законотворческий процесс в наибольшей степени соответствующим интересам народа, повысить качество принимаемых нормативных актов.

Обобщив содержание научной литературы, представляется логичным обозначать следующие квалифицирующие признаки парламентаризма с позиций отграничения его от элементов формы государства и недопустимости буквального понимания «верховенства парламента»: 1) верховенство закона; 2) разделение властей с четко обозначенными и реальными полномочиями парламента; 3) участие парламента в формировании органов исполнительной, судебной и иных ветвей власти; 4) подотчетность исполнительной власти парламента; 5) особый статус депутата со свободным мандатом и ответственностью перед законом; 6) многопартийность, право на политическую оппозицию и обеспечение связи населения с механизмом государства; 7) независимость судебной власти и ее взаимодействие с законодательной и исполнительной властью для обеспечения баланса государственно-правового устройства. Именно эти признаки характеризуют эффективное исполнение полномочий парламентом, позволяют ему во взаимодействии с иными ветвями власти обеспечить устойчивый, внутренне регулируемый механизм стабильного развития государства.

Следовательно, верховенство закона, по мнению большинства ученых, является неотъемлемым признаком парламентаризма. Одновременно верховенство закона выступает самостоятельным основополагающим принципом современной государственности, неотрывно связанным с идеей правового государства. При этом принцип верховенства закона, пожалуй, является более признаваемым, чем принцип парламентаризма. И если парламентаризм часто именуют «скрытым» принципом, то верховенство закона (права) относится к числу прямо закрепляемых в конституциях и иных нормативных актах принципов. Вместе с тем, с точки зрения классической юриспруденции, закон создается в первую очередь парламентом. Поэтому возникают вопросы: обязателен ли закон для самого парламента, как должен быть устроен парламента для принятия «справедливых» законов, какова роль закона в иерархии иных современных источников права, может ли закон создаваться иными органами, нежели парламента и т. п.? Соответственно, представляется интересным рассмотреть верховенство закона с позиций теории парламентаризма.

Принцип верховенства закона буквально трактуется как обязательное следование всех участников правоотношений законам, т. е. нормативным правовым актам, принимаемым парламентом (или в результате прямого волеизъявления народа) по наиболее важным вопросам жизнедеятельности общества и государства, а также обладающего приоритетом над всеми подзаконными актами. При этом предполагается, что закон должен быть правовым, т. е. справедливым, правильным, объективно необходимым [5, с. 301]. Поэтому зачастую названный принцип называется принципом верховенства права или верховенства правового закона. В этой связи В. Д. Зорькин задается вопросом: над чем должно проявляться верховенство права? И отвечает: над произволом. В. Д. Зорькин ссылается на известный тезис Ш. Л. Монтескье о том, что нет более жесткой тирании, чем та, которая прикрывается законами и видимостью правосудия [6, с. 117].

Эта идеальная модель при видимой простоте сложна в практической реализации. Дело в том, что, во-первых, в современном государстве в условиях расширения и усложнения сфер правового регулирования, обширного правотворчества органов исполнительной власти и признания феномена судебного правотворчества различия между законом и подзаконным актом, «первичным» и «вторичным» законодателем, нормативным правовым актом и актом толкования права все менее очевидны [7, с. 30]. На практике это дает почву для различных юридических трактовок и политических манипуляций в конкретных жизненных ситуациях. Но все же правовое закрепление и стремление к реализации принципа верховенства закона различными участниками правоотношений позволяет государствам развиваться в более справедливом, гуманистическом направлении.

Во-вторых, очень сложна в восприятии и юридическом установлении грань между законом и правом или «справедливым», «правильным» законом и законом неправовым, «несправедливым». До настоящего времени универсальные критерии справедливости не выработаны. К примеру, в мусульманском праве все еще можно убивать жену за измену мужу, а за повторное воровство отрубает руки [8, с. 34]. Даже в условиях формирующихся неких мировых стандартов прав человека нет единства мнений по вопросам эвтаназии, аборт, смертной казни, допустимых пределов вторжения в частную жизнь граждан и т. д. В юридической науке нет даже общего понимания самого феномена «право», существует множество подходов к определению права и его соотношения с законом, начиная от юридического позитивизма и заканчивая естественно-правовыми и психологическими концепциями [9, с. 5–10; 10, с. 107]. С XX в. стало понятно, что право как универсальный регулятор общественных отношений бездефектно только в идеале [11, с. 15]: право становится все более фрагментированным, субъективным, ориентированным на удобство, а не на мораль, оно не заботится о преемственности, представляет собой не «свод» правил, а все больше «кашу» из сиюминутных решений и противоречащих друг другу норм [12, с. 14], вопреки общим представлениям юристов, несет в себе значительную иррациональную составляющую [13, с. 15–217].

К названному еще нужно добавить потенциальную многосмысловую нагрузку законодательных формулировок, а также претензии философов права на легитимацию законов в правосознании граждан [14, с. 6] или даже на непосредственное участие в их принятии. Например, один из известнейших современных политических мыслителей Запада Ю. Хабермас развивает классическую либерально-демократическую идею о том, что закон существует лишь для того человека, который либо участвовал в его создании, либо согласился с ним. Для любого другого человека это уже не закон, а заповедь или приказ [15, с. 129]. Французский мыслитель Ж.-Л. Бертелье и немецкий правовед Г. Радбрух обращают внимание на проблемы выявления смысла закона, т. е. подлинной воли законодателя. Поскольку закон — это продукт коллективного творчества членов парламента, то он почти всегда выражает компромисс и не соответствует чьему-то единоличному замыслу, содержит коллизии и абстрактные формулировки [16, с. 330]. Несмотря на требование формальной определенности права, язык, эмоциональное восприятие норм позволяют по-разному толковать легальный текст. Авторы допускают возможность «усмотрения в воле законодателя даже того, чего никогда не было в воле разработчиков закона» [17, с. 128].

В развитие этой мысли следует привести мнение Т. Карозерса о том, что сама теория верховенства права слишком неопределенна, поэтому порождает широкий простор для различных интерпретаций, базирующихся на идеологии. Например, консерваторы часто воспринимают верховенство закона как гарантию неприкосновенности права собственности, сильной полиции и особого упора на закон и порядок. На левом идеологическом фланге эту концепцию толкуют с акцентом на равное отношение ко всем, помощь социально незащищенным и расширение возможностей граждан в целом. Исследователь полагает, что даже профессиональная принадлежность и иные субъективные факторы личности могут влиять на трактовку принципа верховенства права. Так, по его мнению, в комплексе правовых преобразований судьи склонны подчеркивать важность судебной реформы, полицейский чиновник приведет доводы в пользу выделения больших ресурсов для принуждения к исполнению законов, адвокаты выдвинут на первый план потенциально важную роль коллегий адвокатов и т. д. [18, с. 139–151].

В таких условиях с очевидностью становится понятным, что оценивать правовое содержание закона не так-то просто, равно как и непросто определиться в вопросе: а кто, собственно, должен оценивать правомерность и справедливость закона? Трудно не согласиться с В. Е. Чиркиным в том,

что «в демократическом обществе можно и нужно бороться мирными способами против «плохого» закона, но пока он действует, закон должен соблюдаться всеми, альтернатива этому — крушение правопорядка, анархия и распад общества» [19, с. 38]. Поэтому в современном государстве, как правило, исключительно за парламентами и судами признается возможность прекращать действие закона, можно сказать, действует презумпция правомерности закона.

В то же время мировой опыт демонстрирует необходимость неподчинения в отдельных случаях несправедливым законам со стороны непосредственно граждан. Например, германская судебная практика признает следующее правило: «позитивный закон должен рассматриваться как противоречащий справедливости в ситуации, когда расхождение между статутным правом и справедливостью настолько нестерпимо, что первое должно уступить дорогу второй» [20, с. 145]. В основе этого правила лежит выработанная после Второй мировой войны и получившая широкую известность «формула Г. Радбруха»: «очевидно противоречащий естественному праву (*lex naturalis*) закон не является справедливым и обязательным к исполнению». Такой постулат впервые был реализован в ходе Нюрнбергского процесса над нацистскими преступниками. Устав Международного военного трибунала в 1945 г. считал возможным наказывать действия, направленные против мира и человечности, даже если они не нарушали законов страны [21].

Современным аспектом справедливости закона можно считать оценку его эффективности. На фоне постоянно возрастающего в XX–XXI вв. числа законов, именуемого зачастую «инфляцией законов», «законодательным потоком» и т. п., стал ставиться вопрос о присутствии в них рациональности, достижении целей правового регулирования, удовлетворенности гражданами их содержанием. Во многих странах предпринимаются попытки оценки результативности нормативных актов. Так, зародившаяся в США и распространенная в других государствах методика оценки регулирующего воздействия первоначально была настроена на то, чтобы измерять влияние мер юридического воздействия на предпринимательскую деятельность, позднее стал учитываться эффект влияния на экономику в целом, а также на социальную сферу и окружающую среду. С минимизации регулирующего воздействия акцент был перенесен на создание более эффективных регуляторов посредством создания процедур открытой и вариативной работы над предварительным и последующим мониторингом государственно-властных решений [22, с. 19].

В течение 70-х гг. XX в. в Германии, Швейцарии, Бельгии и других странах появилось новое направление исследования права через призму эффективности и результативности законодательства — легиспруденция [23, с. 14–19]. Представители этого направления пытаются предложить критерии оценки эффективности законов, такие как действенность, целесообразность нормативного правового акта, соответствие его общественным ожиданиям. В качестве методов оценки предлагается использовать социологические приемы (интервью, опросы, анкетирование), моделирование, графические представления, политические трактовки, анализ причинно-следственных связей и др. [24, 25]. По мнению Комиссара Совета Европы по правам человека из правовых позиций Европейского Суда по правам человека вытекают такие критерии эффективного правотворчества, сопряженного с ограничением прав человека, как ясность, точность, доступность и прогнозируемость правовых норм, служение их четко определенным законным целям, наличие четких средств правовой защиты в отношении предполагаемых нарушений [26, с. 133–147].

Однако эмпирические исследования демонстрируют неутешительную картину применения оценки в законотворческой деятельности [27, с. 14–19]. Сами представители легиспруденции признают относительность вырабатываемых ими критериев [28]. Поэтому, безусловно, актуальной является необходимость осознания законодателем реальных последствий принятия закона, но преувеличивать роль формальных критериев оценки эффективности правотворчества не следует. Эффективная законотворческая процедура и справедливое содержание закона — это явления сложной социальной жизни, имеющие значительную политическую составляющую. Например, Г. Кельзен в связи с этим полагал, что создание законов — это политические дискуссии о ценностях, а политика не поддается научным исследованиям и формально-юридическим установкам [2, с. 271]. Можно сказать, что эффективность закона — это столь же дискуссионный вопрос, как и в целом справедливость его содержания, а его решение во многом предопределяется методологическими установками исследователя.

В-третьих, рассматриваемый принцип может по-разному интерпретироваться в тех или иных государствах с учетом специфики истории становления правовых институтов. Англосаксонское

«rule of law» и романо-германские «rechtsstaat», «etat de Droit», «estado de derecho» — это не просто различное языковое выражение одного и того же явления, обозначаемого в русском переводе как «господство права», а различные научные направления [30, с. 337]. В англо-саксонской доктрине при появлении термина «верховенство права» (rule of law) в юридических документах основной акцент изначально делался на связанности и ограниченности воли монарха нормами общего права, выросшего из древних обычаев, правовая природа которых была подтверждена устоявшейся в веках судебной практикой [6, с. 117]. Отсюда и признание решающей роли судебной системы в обеспечении верховенства права [31, с. 21–25]. Верховенство права в рамках британской традиции связано с правом, создаваемом судьями и основанном на законности, определенности и равноправии, при невозможности для судов оспаривать суверенитет парламента [20, с. 145]. В странах романо-германской правовой системы идея господства права (rechtsstaat) была изначально ориентирована не на судебное правотворчество, а на законодательную деятельность парламента. Следовательно, романо-германская трактовка принципа господства права апеллирует к такому порядку, когда законодатель в окончательном варианте решал бы все фундаментальные вопросы права, а суд контролировал бы деятельность исполнительной власти [32, с. 3–18]. Так, в ФРГ верховенство права в правовом государстве с соблюдением разделения властей и представительной (парламентской) демократии означает дифференцированный подход к критериям связанности государственных органов конституцией, законом и правом. Для законодателя эти рамки определены недопустимостью нарушать «конституционный порядок», для иных органов — недопустимостью нарушать закон и право [33, с. 109].

В государствах Восточной Европы речь преимущественно ведется о принципе *Supremacy of Statute Law*, т. е. о верховенстве закона. В том числе в России превалирует позитивистская трактовка «верховенства права», не предполагающая контроля, выходящего за рамки буквы закона. Обратно это направление именуют «диктатурой закона» [20, с. 145]. Оно связано с формальным правилом о презумпции правомерности закона и необходимости его применения вплоть до его отмены или признания недействующим судом.

В Китае с 2010 г. стал активно разрабатываться своеобразный принцип «управления при верховенстве закона», предполагающий установку на индивидуализацию в рамках патриархальной модели государственности [34, с. 12–16]. Негативно оценивая опыт резкой смены ценностей в странах Восточной Европы, китайские политики решили заимствовать западные понятия «верховенство права» и «конституционное правление», не разрушив традиционные представления своего народа о кровных и земляческих связях, о конфуцианской морали. Поэтому китайский принцип «управления при верховенстве закона» сменил ранее действовавший принцип управления с помощью авторитета партии. Такие изменения означают, что управление осуществляется государственными органами через законы, а партия берет в свои руки принятие законов и контроль за их исполнением. По оценкам китайских ученых, это способствовало тому, что партия и государство стали осуществлять свою деятельность в рамках конституции и законов; партия больше не подменяет правительство, а сосредотачивается на анализе и решении общественных противоречий, разработке стратегической линии политического курса страны [35, с. 8–17].

К настоящему времени различия в понимании «господства права» в названных правовых системах начинают в определенной степени нивелироваться, поскольку в соответствующих странах идет процесс сближения системы источников права [36, с. 211], происходит активный обмен юридическим опытом в части способов поддержания верховенства права и закона. И если говорить о некоей собирательной концепции «верховенства права» за рубежом, то ее суть видят в том, что «правительственные решения должны быть основаны на согласии народа и действовать только через структуры и процедуры, разработанные для предупреждения индивидуальных притеснений или государственной тирании, защищающие фундаментальные права и свободы и являющиеся объектом оценки независимыми судами, выносящими приговоры, основанные на законах» [37, с. 86]. В современном варианте эту концепцию характеризуют уже не только нормативные признаки, адресованные системе источников права, но и институциональные, направленные на установление требований к органам власти и защищающие права граждан. При всем многообразии подходов к таким обычно причисляют: правовое правление, разделение властей, независимая система судебных органов, эффективность права, его стабильность, верховенство законной власти, справедливость, беспристрастное от-

ношение органов власти к гражданам и уважение их прав, создание альтернативных центров власти, запрет злоупотребления властью [38, с. 7; 39, с. 74; 40, с. 13; 41, с. 34].

В отечественной науке к признакам верховенства закона относят: разделение властей, обеспечение прав человека, взаимная ответственность государства и личности, соблюдение международного права, суверенитет народа и др. [42, с. 308]. Хотя, по мнению Г. А. Гаджиева, в России концепция верховенства права развивается преимущественно как судебная доктрина в актах Конституционного Суда РФ при пассивном участии законодателя и ученых [43, с. 13].

Во второй половине XX в. стало формироваться международное восприятие принципа верховенства права. Этот принцип начинает отражаться в международных документах, в практике общения стран между собой. Лидеры большинства государств заявляют о своей приверженности рассматриваемому принципу. Столь пристальное внимание к принципу верховенства права связано с политической идеей о том, что утверждение этого постулата способно позитивно влиять на экономическое развитие стран, борьбу с коррупцией, решение социальных проблем. Концепт верховенства закона также вселяет надежду на преодоление современных вызовов глобализации в виде огромного роста потоков информации через интернет, диверсификации транснационального гражданского общества, активного перемещения индустрии услуг через государственные границы и т. п. [18, с. 139–151].

На международном уровне государства устанавливали «верховенство права» вначале как общий для них принцип государственного строительства. В новом тысячелетии в документах ООН четко обозначается задача соблюдения международного принципа верховенства права применительно к международному и национальному уровням (Декларация тысячелетия 2000 г., Итоговый документ Всемирного саммита ООН 2005 г., ежегодные с 2006 г. резолюции Генеральной Ассамблеи ООН «Верховенство права на национальном и международном уровнях», доклады Генерального секретаря ООН). Так, в докладе Генерального секретаря ООН в 2011 г. принцип верховенства права характеризовался следующими признаками: примат международного права, господство права, равенство перед законом, справедливость в правоприменении законодательной практики, разделение властей, правовая определенность, процессуальная и правовая прозрачность, суверенное равенство государств, добровольное выполнение обязательств по Уставу ООН, повышение роли Международного суда в современной международной системе [37, с. 87]. Международной неправительственной организацией *World Justice Project* разработана и уже несколько лет применяется на практике система индикаторов, позволяющих рассчитать индекс верховенства права для различных стран мира. К числу таких индикаторов отнесены степень ограничения полномочий институтов власти, уровень коррупции, порядок и безопасность, гарантии защиты основных прав, прозрачность институтов власти, соблюдение законов, качество правосудия [6, с. 116].

Парадоксальность глобализации с точки зрения парламентаризма заключается в том, что появляются наднациональные органы, способные влиять на применение или отмену внутреннего закона государства, руководствуясь формально мотивировкой международного права. Несмотря на неоспоримую зависимость подобных наднациональных органов от мировой политики, что очередным образом находит подтверждение в ходе последних событий, представляет интерес их деятельность с точки зрения парламентского права. Например, Европейский суд по правам человека, сталкиваясь с различными пониманиями верховенства закона (права) среди стран-участниц, по существу выработал собственную концепцию восприятия этого принципа. В частности, в решениях Суда находят отражение такие аспекты верховенства закона (права), как справедливое судебное разбирательство (в том числе право быть заслушанным, презумпция невиновности, право защиты и использования правовой помощи, равные возможности сторон, доступ к суду, исполнимость судебного решения), запрет пыток и иного бесчеловечного или унижающего достоинства обращения, право свободы и личной неприкосновенности, защита от произвола. Из смысла правовых позиций Суда, концепция верховенства права имеет две основы: институциональные и содержательные гарантии. Самой важной институциональной гарантией является независимость судебной власти, а самой важной содержательной гарантией — правовая определенность и пропорциональность [20, с. 142–150]. При этом важно отметить, что Суд понимает закон в ином контексте, нежели представители национальных правовых систем: под ним подразумевается не только акт парламента, а любая правовая норма, регулирующая общественные отношения достаточно доступным, понятным и точным способом. Суд настаивает, чтобы правовые нормы исходили от демократи-

чески избранного органа, не запрещает делегированное законотворчество или правотворчество судов [44, с. 123–125]. И хотя для России правовые позиции Европейского суда по правам человека утрачивают свою актуальность, для конституционно-правовой науки подобные трактовки верховенства закона остаются интересными и новаторскими.

Также важно отметить, что к настоящему времени принцип верховенства права и закона обогатился сравнительно новой составляющей — конституционализмом. Конституционализм означает прежде всего сам факт наличия конституции и ее активного влияния на политическую жизнь страны, верховенство и определяющую роль конституции (писаной или неписаной) как основного закона в системе действующего законодательства, опосредованность политических отношений конституционно-правовыми нормами, конституционное признание прав и свобод личности, правового характера взаимоотношений гражданина и государства [45, с. 4]. Хотя конституционализм воспринимается еще и как базирующийся на признании верховенства конституции политико-правовой режим [46, с. 20], а также как некое учение о конституции и устанавливаемых ею ценностях или система взглядов о конституционном государстве [47, с. 137; 48, с. 5–12]. Принципы или признаки конституционализма многоплановы в юридической науке, но в целом перекликаются с признаками верховенства права: признание и гарантированность прав человека, разделение властей, народный суверенитет, выборность и ответственность должностных лиц, высшая юридическая сила и стабильность конституции [49, с. 280; 50, с. 1–12; 51, с. 53; 52, с. 41].

Новое звучание в принцип верховенства конституции и закона вносит институт конституционной юстиции. Еще в начале XX в. этот институт существовал лишь в нескольких странах, а значительную политическую роль играл только в США. Ныне же он закреплен всеми принятыми после Второй мировой войны конституциями второго и последующих «поколений». На первый взгляд может показаться, что конституционная юстиция подрывает традиционный принцип верховенства закона, поскольку в иерархии государственных органов появляется один (как правило, судебный), который стоит «выше» представительного органа — парламента и наделяется правом проверки законодательных актов парламента. За это, собственно, буржуазные страны подвергались критике со стороны советской науки государственного права [53, с. 295].

Однако в мировой юриспруденции возобладали доводы зарубежных ученых, обосновывающих целесообразность существования органа конституционного контроля, не противопоставляющего свою волю воле народа, поскольку на него возложены функции охраны конституции, являющейся наиболее торжественным и глубоким выражением воли народа, от возможных посягательств со стороны парламента в случае проявления им неуважения к Основному закону [54, с. 88]. Более того, начиная с выхода в свет в 1927 г. книги американского профессора Г. Л. МакБейна «Живая конституция: анализ реалий и легенд нашего основного закона» [55, с. 110] набирает популярность теория так называемой живой конституции, представители которой доказывают изменение смыслов конституции с течением времени под непосредственным влиянием толкований, исходящих от конституционной юстиции [46, с. 39; 56, с. 12; 57, с. 325; 58, с. 97]. Такой подход созвучен современным общеевропейским представлениям о верховенстве конституции. Так, в генеральном докладе XIV Конгресса Конференции европейских конституционных судов, проходившего в Вильнюсе 3–6 июня 2008 г., говорится: «Только активная позиция конституционного суда обеспечивает реальную, а не предполагаемую имплементацию принципа верховенства конституции» [59, с. 110]. Хотя в национальных правовых системах доктрина «живой конституции» может несколько видоизменяться. Например, в Скандинавских странах более популярна концепция «действенного права», которая предполагает сглаживание разрыва между фиктивностью положений стабильной конституции и реальными общественными отношениями не только через акты толкования основного закона, а еще и посредством конституционных обычаев [60, с. 108].

При всей позитивности теория конституционализма сегодня не выглядит настолько оптимистичной, как в период своего возникновения, поскольку идея улучшения социальной действительности посредством внедрения «хороших» конституционных принципов наталкивается на трудности построения так называемых новых демократий в Восточной Европе, Африке, Латинской Америке, а также на проблемы глобализации. Появилось мнение, что конституционализм претерпевает кризис. По наблюдениям Б. Н. Страшуна, в западных странах политический конституционализм сужается при относительно стабильном юридическом конституционализме, поскольку наблюдается антиконституционное усиление исполнительной власти в ущерб законодательной, отрыв властных структур

от населения, рост влияния транснациональных корпораций и течений национальной идентичности [61, с. 43–47]. А. Шайо утверждает, что на фоне манипулирования конституционными эмоциями гражданами [62, с. 55], недобросовестного использования правительствами конституционной формальности, национализма, ложного патриотизма, популизма, рационализированного парламентаризма и других проблем конституционализм теряет свою привлекательность в глазах общества. Поставлена под сомнение эффективность конституционализма как метода решения социальных конфликтов, стала очевидной «хрупкость» конституционной демократии, а ее возможный коллапс стал вполне «реальным сценарием» [63, с. 34; 64, с. 124–135]. Ставится вопрос о допустимости отступлений от принципа верховенства права для конституционализма «переходного периода» [65, с. 13–28; 66, с. 65; 67, с. 133]. Активно проводится в жизнь идея о том, что конституционализм может быть присущ только западной цивилизации [68, с. 26].

Однако согласимся с теми исследователями, которые считают, что, несмотря на все угрозы, конституционализм представляет собой непреложную ценность, нуждается в сохранении и защите, не терпит попирания принципа верховенства права и предполагает рецепцию вне Европы [63]. Безусловно, решить проблемы государства и создать в нем идеальный правопорядок, приняв «хорошую» конституцию, невозможно. Однако в ряду иных составляющих, таких как экономика, традиции, культура и других, приверженность конституционным ценностям способна повысить эффективность государства. Более того, конституционализм сегодня развивается через «конституционализацию» — признанный в странах Западной Европы, а также частично в США и России процесс реализации в отраслевом специальном законодательстве базовых общеправовых ценностей конституции [69, с. 261; 70, с. 87; 71, с. 83].

Таким образом, понимание и практическая реализация принципа верховенства закона в современном государстве осложнены различным национальным восприятием этой концепции; дискуссионностью определения справедливости закона; конкуренцией источников права между собой; наличием зачастую неуловимой разницы между юридической силой закона и подзаконного акта; вторжением судебной и исполнительной власти в прерогативы законодателя; процессами глобализации, ставящими наднациональные органы выше парламентов; хаотичностью, противоречивостью, иррациональностью и значительным объемом норм права, а также многообразием сфер правового регулирования.

В то же время современное развитие концепции верховенства закона сопряжено с формированием неких международных стандартов восприятия этого принципа, появлением юридических рычагов обеспечения реальности верховенства закона (права), в том числе конституционной юстиции, наднациональных органов; осознанием неразрывной взаимосвязи верховенства закона с реализацией прав человека, разделением властей, доступностью и справедливостью суда, ответственностью органов власти и другими юридическими конструкциями; стал ставиться вопрос об эффективности законодательства. Поэтому становится очевидной неразрывная связь идей верховенства закона и парламентаризма. С одной стороны, верховенство закона выступает базовым признаком парламентаризма; с другой стороны, обеспечение справедливости закона и его верховенства возможно только лишь в условиях функционирования представительного учреждения на основе принципов парламентаризма.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. М., 2004.
2. Парламентское право России : учебное пособие / под ред. И. М. Степанова, Т. Я. Хабриевой. М., 1999.
3. Могунова М. А. Парламентаризм: понятие, сущность, принципы // Публично-правовые исследования. Ежегодник Центра публично-правовых исследований. Т. 3. М., 2008.
4. Рыбкин И. П. Становление и развитие парламентаризма в России : автореф. дис. ... д-ра полит. наук. М., 1995. С. 29–30.
5. Теория государства и права : учебник / под ред. А. С. Пиголкина. М., 2007.
6. Зорькин В. Д. Цивилизация права и развитие России. М., 2015.
7. Филиппова Н. А. Представительство публичных интересов в федеративном государстве: особенности российской национальной модели. Екатеринбург, 2009.

8. Чиркин В. Е. Субъективные заметки о либеральной концепции права в российской юридической науке // Государство и право. 2013. № 10.
9. Марченко М. Н. «Умеренный» позитивизм и верховенство права в условиях правового государства // Государство и право. 2012. № 4.
10. Мартышин О. В. Классические типы понимания права. Проблемы выбора // Развитие российского права: новые контексты и поиск решения проблем : материалы Международной конференции. Ч. 1. М., 2016.
11. Матейкович М. С. Дефекты конституционно-правового регулирования в РФ // Государство и право. 2007. № 12.
12. Кененова И. Кризис западной традиции права и российская традиция власти в ракурсе конституционной компаративистики // Сравнительное конституционное обозрение. 2013. № 1 (92).
13. Исаев И. А. Власть и закон в контексте иррационального. М., 2006.
14. Андрианов Н. В. Модернизация правовых институтов: проблемы методологии // Государство и право. 2013. № 6.
15. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М., 2003.
16. Бержель Ж.-Л. Общая теория права / пер. с фр. Г. В. Чуршукowa. М., 2000.
17. Радбрух Г. Философия права / пер с нем. Ю. М. Юмашева. М., 2004.
18. Карозерс Т. Искушение верховенством закона // Pro et Contra. 2009. № 3–4 (46).
19. Чиркин В. Е. Субъективные заметки о либеральной концепции права в российской юридической науке // Государство и право. 2013. № 10.
20. Нуссбергер А. Независимость судебной власти и верховенство права в практике Европейского Суда по правам человека // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 2 (111).
21. Лезина Е. Судебные преследования лиц, ответственных за нарушения прав человека в ГДР // Уроки истории. XX век. 2013. 5 ноября. URL: <https://urokiistorii.ru/article/51885>.
22. Кененова И. Кризис западной традиции права и российская традиция власти в ракурсе конституционной компаративистики // Сравнительное конституционное обозрение. 2013. № 1 (92).
23. Шульмане Д., Шевчук П. Легиспруденция — новый подход к вопросу о законотворчестве // Сравнительное конституционное обозрение. 2013. № 6 (97).
24. Мадер Л. Опыт Швейцарии // Оценка законов и эффективности их принятия : материалы Международного О-931 семинара (16–17 декабря 2002 г., Рязань). М., 2003. URL: <http://www.consultant.ru/law/review/lawmaking/material/>
25. Бейтс Дж. Британский опыт // Оценка законов и эффективности их принятия : материалы Международного О-931 семинара (16–17 декабря 2002 г., Рязань). М., 2003. URL: <http://www.consultant.ru/law/review/lawmaking/material/>
26. Тематический доклад, опубликованный Комиссаром Совета Европы по правам человека «Верховенство права в Интернете и в остальном цифровом мире» // Прецеденты Европейского Суда по правам человека: Электронное периодическое издание. 2015. № 1 (13).
27. Шульмане Д., Шевчук П. Легиспруденция — новый подход к вопросу о законотворчестве // Сравнительное конституционное обозрение. 2013. № 6 (97).
28. Мадер Л. Оценка законодательства — вклад в повышение качества законов // Оценка законов и эффективности их принятия (16–17 декабря 2002 г., Рязань). М., 2003. URL: <http://www.consultant.ru/law/review/lawmaking/material/>
29. Siehr A. Symbolic Legislation and the Need for Legislative Jurisprudence: The Example of the Federal Republic of Germany // Legisprudence. 2008. No. 3. Vol. 2.
30. Марченко М. Н. Государство и право в условиях глобализации. М., 2009.
31. Allan T. Constitutional Justice: A Liberal Theory of the Rule of Law. L., 2001.
32. Campbell J. The Legal Theory of Ethical Positivism. L., 1996.
33. Гриценко Е. Пределы конституционно-судебного нормотворчества // Сравнительное конституционное обозрение. 2011. № 5 (84).
34. Серов К. Н. Социально-экономическая политика государства и политический режим: некоторые проблемы взаимосвязи // Юридический мир. 2007. № 4.
35. Синьют Я., Босинь В. Общее познание верховенства права и конституционного правления: цивилизационный подход // Сравнительное конституционное обозрение. 2007. № 1 (58).

36. Марченко М. Н. Правовые системы современного мира : учебное пособие. М., 2008.
37. Марочкин С. Ю. Верховенство права на внутригосударственном и международном уровнях: динамика развития и взаимодействия // Государство и право. 2013. № 10.
38. Fallon R. N. «The Rule of Law» as a Concept in Constitutional Discourse // Columbia Law Review. 1997. Vol. 97. No. 2.
39. Waldron J. Judicial Review and the Conditions of Democracy // Journal of Political Philosophy. Vol. 6. 1998. No. 4.
40. Мур Дж. Н. Верховенство права: обзор // Верховенство права / пер. с англ. М., 1992.
41. Блохин П. Злоупотребление правами и злоупотребление властью: к построению единой доктрины // Сравнительное конституционное обозрение. 2018. № 2 (123).
42. Перевалов В. Д. Теория государства и права. М., 2012.
43. Гаджиев Г. О судебной доктрине верховенства права // Сравнительное конституционное обозрение. 2013. № 4 (95).
44. Пак В. Понятие «законность» в практике применения Конвенции о защите прав человека и основных свобод // Сравнительное конституционное обозрение. 2005. № 4 (53).
45. История буржуазного конституционализма XVII–XVIII вв. / отв. ред. В. С. Нерсисянц. М., 1983.
46. Бондарь Н. С. Концепция «живого» (судебного) конституционализма: методология исследования в свете практики конституционного правосудия // Теория и практика российского конституционализма : сборник докладов научно-практической конференции, посвященной 75-летию со дня рождения академика О. Е. Кутафина / отв. ред. В. И. Фадеев. Т. 2. М., 2013.
47. Богданова Н. А. Категория «конституционализм» в науке конституционного права // Российский конституционализм: проблемы и решения : материалы Междунар. конф. М., 1999.
48. Добрынин Н. М. О сущности конституционализма и правового государства: необходимое и действительное // Государство и право. 2012. № 7.
49. Ghai Y. Constitutionalism and the Challenge of ethnic Diversity // Hechman J., Nelson R. And Cabatingan L. Global Perspective on the Rule of Law. NY., 2010.
50. Bellamy R. Political Constitutionalism: a Republican Defence of the Constitutionality of Democracy. New York, 2007.
51. Дик Ховард А. Е. Конституционализм // Верховенство права : сборник: пер. с англ. М., 1992.
52. Добрынин Н. М. Размышления о российском конституционализме и политико-правовом режиме в государстве: правовая аксиология и авторский взгляд // Государство и право. 2017. № 2.
53. Современное буржуазное государственное право. Критические очерки. Основные институты. Т. 2 / отв. ред. В. А. Туманов. М., 1987.
54. Bourdon J., Pontier J.-M., Ricci J.-Cl. Droit constitutionnel et institutions politique. P., 1980.
55. Гриценко Е. Пределы конституционно-судебного нормотворчества // Сравнительное конституционное обозрение. 2011. № 5 (84).
56. McBain H. L. The Living Constitution: A Consideration of the Realities and Legends of Our Fundamental Law. New York, 1927.
57. Kammen M. «A Vehicle of Life»: The Founders» Intentions and American Perceptions of Their Living Constitution // Proceedings of the American Philosophical Society. Vol. 131. 1987. No. 3.
58. Тониати Р. «Живой» суд для «живого» права: конституционная транзитология и государственные сдержки и противовесы // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 5 (114).
59. Генеральный доклад XIV Конгресса Конференции европейских конституционных судов (3–6 июня 2008 г., Вильнюс) // Конституционное правосудие. Вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. Ереван, 2008. Вып. 2–3.
60. Исаев М. А. Модернизация Основного закона. Опыт Норвегии // Государство и право. 2013. № 6.
61. Страшун Б. Конституционализм: идеал, реальность и возможная перспектива // Сравнительное конституционное обозрение. 2011. № 5 (84).
62. Шайо А. Эмоциональные манипуляции: тонкая сущность конституционных институтов // Сравнительное конституционное обозрение. 2015. № 1 (104).
63. Sajo A., Uitz R. The Constitution of Freedom: An Introduction to Legal Constitutionalism. Oxford, 2017.

64. Медушевский А. Свобода или подозрительность: как защитить либеральный конституционализм от его противников? // Сравнительное конституционное обозрение. 2018. №3 (124).
65. Садурский В. Конституционализм переходного периода versus верховенство права? // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. №3 (112).
66. Халмаи Г. Общественный порядок и безопасность против верховенства права в государствах переходного периода // Сравнительное конституционное обозрение. 2006. №4 (57).
67. Можно ли отступать от Конституции во имя ее защиты? Обзор заключения Венецианской комиссии о чрезвычайном положении в Турции (декабрь 2016 г.) // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. №2 (117).
68. Халем Ф. фон Историко-правовые аспекты проблемы Восток-Запад // Вопросы философии. 2002. №7.
69. Невинский В. В. Конституционализация российского права // Основы конституционного строя: сборник научных работ / отв. ред. В. В. Комарова, В. А. Лебедев, Н. Б. Пастухова. Т. 2. М., 2018.
70. Ульбашев А. О конституционализации частного права // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. №6 (121).
71. Головки Л. В. Конституционализация российского уголовного процесса: между лозунгами и реальностью // Государство и право. 2013. №12.